

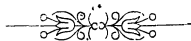
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

СЪ

ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I

1881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.

1881

НЕКРОЛОГИ.

Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

28-го января умеръ Федоръ Михайловичъ Достоевскій. Утрата его стала общественнымъ событіемъ. У гроба покойнаго собрались люди всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ партій, одинаково чествуя память неутомимаго борца за правду и благороднѣйшаго защитника всего что раздавлено и измучено, всего что оскорблено и унижено. Достоевскій сошелъ со сцены въ полномъ блескѣ своего таланта, такъ какъ только-что окончившійся его послѣдній романъ „Братья Карамазовы“ можетъ быть смѣло поставленъ на ряду съ его лучшими произведеніями „Мертвымъ домомъ“ и „Преступленіемъ и Наказаніемъ“. Онъ умеръ, какъ истинный боецъ на своемъ постѣ, чуть не съ перомъ въ рукахъ, только-что закончивъ первый январскій выпускъ своего „Дневника“ и готовясь къ изданію второго. Громадную потерю разомъ понесло все русское общество, весь русскій грамотный міръ. Безъ всякихъ приготовленій, безъ грошевыхъ рекламъ и искусственныхъ возбужденій, на выносъ его тѣла сошлось болѣе тридцати тысячъ народу. Точно волна поднялась и залила все пространство отъ Кузнечнаго переулка до Александро-Невской лавры. Глубоко чтя память почившаго, проходили за гробомъ толпы за толпами, придавая грандіозный размѣръ похоронамъ писателя, всю свою жизнь боровшагося и страдавшаго, работавшаго среди нужды, измученнаго сначала каторгой, потомъ неудачами, лишеніями, болѣзнью и тѣмъ внутреннимъ самосгараніемъ, которое только и знакомо бойцамъ мысли и чести, вождамъ, на знамени которыхъ написаны высокіе девизы правды и всепрощенія, любящимъ сердца, исходящимъ кровью за другихъ и никогда не знающимъ пощады къ самимъ себѣ. Достоевскій заболѣлъ за нѣсколько дней до своей смерти и умеръ отъ разрыва артерій, что легко переносятъ болѣе здоровые физически люди,—умеръ, когда жизнь только-что улынулась ему. Похороны его были торже-

ствомъ русскаго писателя. Общество впервые съумѣло отозваться чутко и могуче на эту потерю. Первый разъ оно выразило, какъ глубоко потрясено потерю такого таланта... Лучшія строки о покойномъ принадлежать А. С. Суворину, который въ своемъ весьма художественномъ очеркѣ о послѣднихъ минутахъ Ф. М. Достоевскаго, говоритъ между прочимъ, слѣдующее:

„Въ понедѣльникъ кровь пошла горломъ. Онъ встревожился, но тою нервной тревогою, которая укладывается тотчасъ же, когда опасность миновала. Организмъ Достоевскаго тѣмъ болѣе къ этому долженъ былъ привыкнуть, такъ какъ вынесъ онъ въ своей жизни чрезвычайно много. Падучая болѣзнь много прибавила къ его тернистому пути. Въ послѣдніе годы она какъ будто ослабѣла, сдѣлалась рѣже, но была постоянно въ зависимости отъ напряженій въ трудѣ, отъ огорченій, отъ жизненныхъ неудачъ, отъ той безпощадности, которой такъ много въ нравахъ русской жизни и русской литературы. Приступы ея онъ чувствовалъ и начиналъ страдать невыразимо; невольно закрадывался въ душу страхъ смерти во время припадка, болѣзненный, тупой страхъ. У Достоевскаго эта опасность всегда присутствовала, онъ постоянно былъ какъ бы наканунѣ смерти: каждое дѣло, которое онъ затѣвалъ, каждый трудъ, любимая идея, любимый образъ, выстраданный и совсѣмъ сложившійся въ головѣ — все это могло прерваться однимъ ударомъ. Сверхъ обыкновенныхъ болѣзней, сверхъ обыкновенныхъ случаевъ смерти, у него былъ еще свой случай, своя специальная болѣзнь; привыкнуть къ ней почти невозможно — такъ ужасны ея припадки. Умереть въ судорогахъ, въ безпамятствѣ, умереть въ пять минутъ — надобна большая воля, чтобъ подъ этой постоянной угрозой такъ работать, какъ работалъ онъ.

„Проходилъ припадокъ и онъ становился необыкновенно живъ и говорливъ. Однажды я засталъ его именно въ то время, когда онъ только-что освободился отъ припадка. Сидя за маленькимъ своимъ столомъ, онъ набивалъ себѣ папиросы и показался мнѣ очень страннымъ — точно онъ былъ пьянъ. „Не удивляйтесь, глядя на меня, сказалъ онъ — у меня сейчасъ былъ припадокъ“. Нѣчто подобное было съ нимъ, когда онъ почувствовалъ себя худо въ понедѣльникъ — смерть тотчасъ ему представилась, быстрая смерть, съ приготовленіями къ которой слѣдуетъ торопиться. Онъ исповѣдался и причастился. Позвавъ дѣтей — мальчика и дѣвочку, старшая — дѣвочка, которой іі іі лѣтъ — говорилъ съ ними о томъ, какъ они должны жить послѣ него, какъ должны любить мать, любить честность и трудъ, любить бѣдныхъ и помогать имъ. Потеря крови сильно его истощила, голова упала на грудь, лицо потемнѣло. Но ночь возстановила его силы. Вторникъ

прошелъ хорошо и мысль о смерти снова была далека. Ему предписали полное спокойствіе, которое необходимо въ подобныхъ случаяхъ. Но по натурѣ своей онъ не былъ способенъ къ покою и голова постоянно работала. То онъ ждетъ смерти, быстрой и близкой, дѣлаетъ распоряженія, беспокоится о судьбѣ семьи, то живетъ, мыслить, мечтаетъ о будущихъ работахъ, говоритъ о томъ, какъ вырастутъ дѣти, какъ онъ ихъ воспитаетъ, какая свѣтлая будущность ждетъ это поколѣніе, къ которому они принадлежатъ, какъ много могутъ сдѣлать они при свободѣ жизни и какъ будутъ счастливы и какъ много несчастныхъ обратятъ къ счастью и довольству...

„Насталъ третій день. Съ утра ему опять было хорошо. Онъ непременно самъ хотѣлъ надѣть себѣ носки. Никакія увѣщанія и напоминанія о спокойствіи не подѣйствовали. Онъ сѣлъ на постели и сталъ обуваться. Это мелочь, но въ подобныхъ болѣзняхъ все зависитъ отъ самыхъ ничтожныхъ мелочей. Усиліе, которое онъ сдѣлалъ, вызвало новое кровотеченіе, которое повторялось нѣсколько разъ. Онъ сталъ тревожнѣе и тревожнѣе. Къ вечеру ему стало хуже. Въ семь часовъ началось обильное кровотеченіе, онъ впалъ въ безпамятство и полтора часа спустя его не стало“.

Вотъ какъ описываетъ Суворинъ минуты, слѣдовавшія за смертью О. М. Достоевскаго.

„Я вошелъ въ темную гостиную, взглянулъ въ слабо освѣщенный кабинетъ...

„Длинный столъ, накрытый бѣлымъ, стоялъ наискосокъ отъ угла. Влѣво отъ него, къ противоположной стѣнѣ, на полу лежала солома и четыре человѣка, стоя на колѣняхъ, вокругъ чего-то усердно возились. Слышалось точно треніе, точно всплески воды. Что-то бѣлое лежало на полу и ворочалось или его ворочали. Что-то привстало, точно человѣкъ. Да, это человѣкъ. На него надѣвали рубашку, вытягивали руки. Голова совсѣмъ повисла. Это онъ, Федоръ Михайловичъ, его голова. Да онъ живъ? Но что это съ нимъ дѣлали? Зачѣмъ онъ на этой соломѣ? Въ каторгѣ онъ такъ леживалъ, на такой-же соломѣ и считалъ мягкой подобную постель. Я рѣшительно не понималъ. Все это точно мелькало передо мной, но я глазъ не могъ оторвать отъ этой странной группы, гдѣ люди ужасно быстро возились, точно воры; укладывая награбленное. Вдругъ рыданія сзади у меня раздались. Я оглянулся: рыдала жена Достоевскаго и я самъ зарыдалъ... Трупъ подняли съ соломы тѣ же самые четыре человѣка; голова у него отвисла навзничъ; жена это увидала, вдругъ смолкла и бросилась ее поддерживать. Тѣло поднесли къ столу и положили. Это облочка человѣка—самого человѣка уже не было...“

Съ мертваго Ѳ. М. Достоевскаго талантливый художникъ И. Н. Крамскій сдѣлалъ превосходный портретъ. Фотографическіе снимки съ этого портрета появились уже въ продажѣ. Произведенія покойнаго даютъ обильный матеріалъ для нашихъ художниковъ; но къ сожалѣнію до сихъ поръ никто изъ художниковъ не воспользовался этимъ прекраснымъ матеріаломъ. Мы не знаемъ ни одного изъ русскихъ писателей, который до такой степени рельефно и осязательно умѣлъ бы рисовать типы и картины, какъ Ѳ. М. Достоевскій. Люди, очерченные имъ, стоятъ какъ живые передъ глазами и нужно весьма не много чуткости и творчества художнику, чтобы перевести ихъ на полотно или бумагу.

Въ то время, какъ французскіе художники (мы не говоримъ уже объ иллюстраторахъ) дали цѣлыя коллекціи картинъ на темы изъ Виктора Гюго и другихъ, включая даже и Александра Дюма, нѣмецкіе воспользовались безсмертными созданіями Гете и даже Шпильгагенъ вдохновилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, англійскіе воспроизвели Диккенсовскихъ и Теккереевскихъ героевъ, — Достоевскому, какъ и другимъ лучшимъ русскимъ писателямъ, въ этомъ отношеніи не повезло... Мы помнимъ только одну картину на тему изъ „Мертваго дома“, въ которой изображенъ былъ и самъ Достоевскій; но картина эта была написана бездарнымъ художникомъ и прошла незамѣченной. Иллюстраціи изъ романовъ Достоевскаго, появлявшіяся на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій, выполненныя лубочными рисовальщиками и вполне достойными ихъ граверами, — ниже всякой критики. Въ этомъ отношеніи изданіе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго еще ждетъ талантливаго художника.

Въ художественномъ мірѣ осталась, впрочемъ, весьма солидная память о Достоевскомъ, — мы упоминаемъ о замѣчательномъ портретѣ покойнаго, написанномъ В. Г. Перовымъ. Портретъ этотъ находится въ Москвѣ въ извѣстной галлерей П. М. Третьякова.

Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій.

21 января умеръ въ Москвѣ, 60 лѣтъ отъ роду, А. Ѳ. Писемскій. По времени появленія и по силѣ таланта, — это былъ первый изъ русскихъ романистовъ въ художественной литературѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ его „Тысяча душъ“ поставила покойнаго на ряду съ лучшими русскими писателями, а его драма „Горькая судьбина“ сразу

выдвинула его на такое-же мѣсто въ театральномъ мірѣ. Поименованные произведенія имѣли воспитательное значеніе для подроставшихъ поколѣній; къ сожалѣнію тенденціозность послѣднихъ романовъ покойнаго отняла у его таланта много силы и блеска. А. Θ. Писемскій былъ писатель глубоко оригинальный, выросшій на чисто русской почвѣ и ничего позаимствовавшій у западныхъ образцовъ. Творчество его было совершенно лишено тѣхъ красокъ, которыя будничную жизнь претворяютъ во что-то заманчивое и яркое. Правда обыденная являлась у него тою-же правдой, какою мы ее и видимъ. Покойный даже былъ нѣсколько сухъ въ своихъ созданіяхъ, онъ не являлся въ нихъ учителемъ, проводникомъ тѣхъ или другихъ идей. Тѣмъ не менѣе смерть его произвела въ Москвѣ довольно сильное впечатлѣніе и надъ гробомъ покойнаго сошлись представители даже враждебныхъ ему при жизни лагерей.

А. Θ. Писемскій былъ силенъ одной стороною своей дѣятельности: онъ никогда никому не льстилъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ своихъ очеркахъ и повѣстяхъ изъ народнаго быта онъ являлся фотографомъ дѣйствительности. Ни современнаго изображенія россійскихъ мужиковъ, ни слащаваго, сентиментальнаго отношенія къ нимъ писателей сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ у Писемскаго не было. Правдивый въ своихъ произведеніяхъ, какъ художникъ, и неудачникъ въ жизни, Писемскій, какъ и Достоевскій, умеръ за работой. Послѣдній его романъ „Массоны“ только-что появился въ отдѣльномъ изданіи.

Въ художественномъ мірѣ и о А. Θ. Писемскомъ сохранится такая-же память, какъ и о Θ. М. Достоевскомъ. Онъ увѣковѣченъ замѣчательнымъ портретомъ, принадлежащимъ кисти И. Е. Рѣпина. Портретъ этотъ написанъ въ прошломъ году для галлерей П. М. Третьякова и не появлялся еще ни на какой выставкѣ. Было-бы желательно, чтобы, въ виду смерти обоихъ писателей, портреты ихъ были выставлены на „Передвижной выставкѣ“, которая, какъ и звѣстно, объѣзжаетъ всю Россію.
